

Носачев П.Г.
МИРАЖИ ЕВГЕНИЯ ГОЛОВИНА¹

Pavel Nosachev
GOLOVIN'S DELUSIONS

In the opinion of Geydar Dzhemal «Evgeniy Golovin undoubtedly was a central figure of Moscow intellectual underground for perhaps thirty years (60s, 70s, 80s)», such a flattering feature from the disciple and opponent is a vital indicator of the importance of this figure for Russian culture not only in its esoteric dimension. Over the past two years two important works helping to see sense of Golovin's personality and creativity in a new way were published: a collection of the Soviet period (60-80 years) texts written by Golovin for literary journals. These texts formally have no connection to esotericism whatsoever, and a unique collection of memoirs of Golovin's friends, relatives and students was published. Both works reveal the identity of one of the leading Russian esotericist from different perspectives. This article provides an overview of these works followed by reflections on the place of Evgeniy Golovin in Western esotericism, and on the peculiarities of his personality. In addition this article addresses methodological aspects of the study of esotericism in the Soviet period.

Снилась мне
черная вода
А на дне
города...

Может это только мне приснится,
Может и не снилось никогда...
Е. Головин «Чёрная вода»²

¹ Предлагаемая вниманию читателей статья была задумана как рецензия сначала на вышедшую в апреле 2014 года книгу Е.В. Головина «Где сталкиваются миражи», а позже ещё и на сборник воспоминаний о нем «Где нет параллелей и нет полюсов», выйдя за рамки классической рецензии, при этом отчасти сохранив её стиль и структуру, она стала чем-то вроде размышления о наследии Евгения Всеволодовича Головина и о путях и формах осмысления этого наследия.

² В связи с большим количеством разночтений тексты стихов и песен Головина

Так случилось, что в 2014 году в свет вышло сразу две книги, связанные с Евгением Головиным. В апреле появился сборник «Где сталкиваются миражи: европейская литература: очерки и эссе 1960-1980-х годов», вобравший практически все опубликованные в журналах тексты Головина советского периода. Затем в самом конце года вышла книга «Где нет параллелей и нет полюсов: Памяти Евгения Головина»¹ – сборник воспоминаний его близких, друзей и знакомых. Пожалуй, можно сказать, что долгое время видение образа Головина формировалось под значительным, даже определяющим, влиянием деятельности его ближайшего ученика – А.Г. Дугина. Сам Дугин недвусмысленно обозначил рамку интерпретации творчества учителя в послесловии к первому посмертному изданию его работ «Там», где кратко перечислил жизненные амплуа Головина: поэт, философ, политик, музыкант, социолог, традиционалист, алхимик, мистик, язычник, Дон Жуан, переводчик, культуролог². Отметим, что описанные формы хорошо укладывались в дискурс, формируемый Дугиным, и во многом шли рука об руку с его собственным мировидением, а затем в свет вышел сборник сочинений Головина 1960-1980-х годов. В то время его самого и его творчество ещё никто никуда не вписывал и никак не маркировал. Отметим, что уже в «Там» было выпущено несколько текстов этого периода, но настолько полного собрания, снабжённого подробным списком всех его работ советской эпохи и, по сути, представляющего Головина без комментариев и ретуши, в свет ещё не выходило.

Думается, что этот сборник вместе с серией интервью, данных Головиным Сергею Герасимову, где зритель становится как бы собеседником и соучастником последних лет жизни Головина в Горках-10³, а также видео-воспоминания о нем Гейдара Джемалья

приводятся здесь по единственному на данный момент полному их сборнику «Парагон», вышедшему в 2013 году в издательстве «Языки славянской культуры».

¹ Фактически сборник вышел в конце декабря 2014, но в выходных данных обозначен 2015.

² См.: Головин Е. Там. – М., 2014. – С. 273-296, Где нет параллелей и нет полюсов: Памяти Евгения Головина. – М., 2015. – С.149-168.

³ См. смонтированную часть этих интервью. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=UNniF54fkzk>, дата обращения 5.12.2015.

и Константина С.¹ и сборник воспоминаний, вышедший в декабре, открывают нового Головина, жизнь и труды которого выходят за рамки любого оформленного идеологией прочтения и, в то же время, требуют пристального и глубокого изучения как ценные сами по себе, вне историй каких-либо течений, учений и групп.

Возможно, логичнее было бы начать наш обзор хронологически со сборника статей Головина и лишь затем перейти к воспоминаниям о нем, но композиционно здесь лучше не придерживаться никаких строгих правил, поэтому, начав с обзора книги воспоминаний, мы затем перейдем к текстам «Миражей...», а после вновь вернемся к воспоминаниям.

«Где нет параллелей и нет полюсов» – неоднозначное явление. С одной стороны, это единственный сборник, объединивший, как указывает аннотация, «воспоминания и размышления о Евгении Головине близко знавших его людей». С другой, – значительная часть текстов сборника уже публиковалась в различных форматах годы, а то и десятилетия назад², кроме того существует немало воспоминаний, не вошедших в сборник³. Все это делает его

¹ И первые, и вторые записаны Сергеем Герасимовым. Воспоминания Джемаля доступны на канале Evrazia.tv URL: <http://www.evrazia.tv/content/geydar-dzhemal-evgeniy-golovin>, дата обращения 5.12.2015, воспоминания Константина С. ранее были доступны в сети Интернет, но сейчас ссылки на них не действуют.

² В основном воспоминания о Головине появились сразу после его смерти в конце 2010 - начале 2011 годов. С тех пор были доступны тексты Глеба Бутузова URL: <http://gleb-butuzov.livejournal.com/10957.html>, дата обращения 5.12.2015, Натальи Мелентьевой URL: <http://www.evrazia.tv/content/utochnenie-o-dekompozicii-nmelenteva-o-egolovine>, дата обращения 5.12.2015; URL: <http://golovinfond.ru.k0.gfns.net/content/evgeniy-golovin-ostorozhnye-ekskursii-v-bezumie>, дата обращения 5.12.2015, Олега Фомина-Шахова URL: <http://arthania.ru/content/vechnyi-poslepoludennyi-otdykh-favna>, дата обращения 5.12.2015, все материалы к семинару ЦКИ, прошедшему весной 2011 года URL: <http://golovinfond.ru/content/golovin-i-tradiciya-ski-v-mgu>, дата обращения 5.12.2015, и почти все статьи Дугина (См.: Головин Е. Приближение к снежной королеве. – М, 2014. – С. 5-16; Головин Е. Мифомания. – СПб: Амфора, 2010. – С. 5-8; Головин Е. Там. С. 273-296; доклад на вечере памяти Головина «Головин и открытая герметика» доступен на <http://www.youtube.com/watch?v=TDKlxvQijfs>)

³ Так, нет в сборнике воспоминаний Аркадия Ровнера (Ровнер А. Вспоминая себя: Книга о друзьях и спутниках жизни. – Пенза: Золотое сечение, 2010. – С.106-122), Василия Шумова URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1531884>, Аркадия Малера URL: <http://andok.livejournal.com/63835.html>, все обращения 5.12.2015.

не столь уникальным, но все же оригинальные тексты сборника (далее мы будем рассматривать только их) создают такую сложную и многообразную картину жизни и личности Головина, что эта неоднозначность легко уходит на второй план и почти забывается. Прежде всего стоит отметить, что стилистика текстов принципиально различна: от прямых подробных воспоминаний (Скляр), до сложной аналитики, практически выстраивающей миссию и учение Головина в форме системы (Джемаль, Дугин).

Пожалуй, прежде чем переходить к детальному анализу ряда воспоминаний, сразу оговоримся, что некоторые статьи сборника лично на автора этой статьи не произвели никакого впечатления и показались скорее формой не столь утончённого самолюбования, в котором Головин был более или менее удачным фоном для описания «Я» автора текста. Безусловно, такая оценка субъективна, к тому же и сам Головин постоянно эпатировал окружающих различными выходками, в том числе и такими, которые могли показаться глупыми или пустыми. Возможно, что и некоторые воспоминания о нем несут отпечаток этой части его личности. Как бы там ни было, об этих текстах мы писать не будем.

«Мой отец Евгений Головин» – так называется открывающая сборник статья, принадлежащая перу дочери Адмирала, Елене Головиной. Здесь впервые читатель узнает подробности детства Головина, его отношений с матерью, родственниками, женами. Иными словами, здесь создан образ Головина до «Головина», образ человека (хотя даже в описаниях быта прилагательное «обычный» к нему не подходит) во всем подобного любому из людей, выросшему в тяжёлых условиях военного времени, фактически без родителей, потерявшему маленького (на год старше) брата в два года, воспитанному в приёмной семье, члены которой его не принимали и не понимали, молодого человека с колоссальными способностями, но не окончившего вуз, писателя, чьи тексты в зрелом возрасте почти не публиковали, учителя-эзотерика, «Адмирала пьяной флотилии», «Диониса во плоти», ранимого и чувствительного, всю жизнь обреченного скрывать под непробиваемым панцирем свою душу.

Приведем здесь только одну зарисовку: «В свой последний Новый год отец, уже совсем больной, пришел ко мне, и я специально

поставила огромную живую елку с цветными лампочками. Он замер на пороге, как потрясенный ребенок, а потом тихо сказал, что никогда в жизни никто не ставил ему елку, что это просто невероятно прекрасно»¹. Елена Головина отмечает, что испытывала глубокие сомнения о том, стоит ли рассказывать раннюю биографию ее отца в сборнике, где его знакомые и близкие ученики будут создавать мифологический образ, и все же решилась на этот шаг, предварив миф о Головине взглядом из обыденной жизни. Думается, что этот взгляд очень ценен.

Во многом продолжением статьи дочери является очерк одного из самых близких друзей Головина Сергея Жигалкина «Миссия X». Здесь уже много рассуждений и попыток раскрыть отдельные аспекты мировоззрения Головина, его сложность, неоднозначность, необъяснимость. Сам Жигалкин предполагает, что «опыт познания Головина» должен различаться в теории и на практике, ведь его тексты и песни, лишённые интонации и личности исполнителя, никогда не передадут всю глубину в них вложенного, иными словами в понимании Головина важен не рациональный смысл, а сам человек, которого больше нет с нами. Жигалкин рисует образ Головина как визионера, тайнозрителя бездн, недоступных познанию других людей, причем всё это подается без пафоса, а как бы в рамках обычной повседневной жизни, жизни, которую от хаоса Иного отделяет лишь тонкая грань, за которую и смотрел Головин.

Яркой иллюстрацией такого опыта является случай на Клязьме, излагаемый Жигалкиным с очень личной интонацией. Вроде бы обычная пьянка образованных людей в обычном поселке, с обычной пьяной удалью, но кульминацией этой истории становятся глаза Головина, увиденные Жигалкиным случайно, глаза, по его выражению, отразившие бездну. Может показаться, что это некий рассказ из жанра черной фантастики, но это именно воспоминания. Безусловно, скептик легко объяснит любые видения после не первого литра водки, смешанной с иными крепкими напитками, но автор «Миссии X» умело возражает на эту железную аргументацию: «после обычной пьянки, даже затянувшейся

¹ Где нет параллелей и нет полюсов. С. 23.

на недели, а то и на куда больший срок, не остается никаких откровений, прозрений, новых мыслей и чувств, высоких мотивов и состояний, а после вояжа с Головиным их хоть отбавляй»¹. Джеффри Крайпл в рецензии на сборник, посвященный эзотеризму в СССР, заметил², что в исследованиях этого феномена почти ничего не говорится об уникальном эзотерическом опыте членов советского подполья, пожалуй, воспоминания, подобные тексту Жигалкина, служат ярким указанием на специфику опыта русского андеграунда.

Менее таинственно и более мемуарно описывает свою дружбу с Головиным Ю.В. Мамлеев. В точки зрения Мамлеева, жизнь его друга была подчинена одной неутолимой жажде – «жажде иного берега». Юрий Витальевич вспоминает свое знакомство с Головиным, их отношения на протяжении десятилетий. Антиномичность личности и жизни Евгения Всеволодовича ярко представлены и здесь. В частности, Мамлеев делает следующее замечание: «Но настоящим произведением искусства стала его собственная жизнь. Невозможно описать жизнь, которую вел Головин. С одной стороны, это выглядело как пьянки, бесконечные встречи, бесконечные разговоры, чтение стихов друг другу, одновременно уход от реальности и в то же время вход в нее. Вот такой парадокс, Женя блестяще владел такими метаморфозами»³.

Продолжает мемуарную тему статья Александра Ф. Склера «Корабли не тонут, или Сказка длинною в жизнь», в ней подробно излагается история взаимоотношений лидера «Ва-Банка» и Евгения Головина, в этой истории встречается много деталей, которые, пожалуй, нельзя узнать больше ниоткуда. Например, какую музыку любил Головин, как он относился к музыкальному творчеству и своим песням, многие из которых подарил Склеру, на кого из выразителей западного эзотеризма чаще всего ссылался в устной беседе, о ком из поэтов и как любил говорить. Можно сказать, что именно в статье Склера кратко и четко обрисован портрет Головина конца 1970-х, приведем его здесь: «Женя никогда не носил ни головного убора, ни шарфа, ни перчаток. В зависимости от времени года на нем могли

¹ Там же. С. 62.

² The new age of Russia: Occult and esoteric dimensions. В. Menzel, М. Hagemester, В. G. Rosenthal, eds. – Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. – P. 427.

³ Где нет параллелей и нет полюсов. С. 184.

быть джинсы (реже – брюки), рубашка с распахнутым воротом (обязательно с длинным рукавом), пиджак и, если холодно, пальто. Никаких украшений на руках и на шее, никаких наручных часов и, конечно, кошелек. Курил Женя чаще всего “Яву” и остался верен этой марке до конца. Кисти рук у него были правильной красивой формы, с длинными пальцами и большими закругленными ногтями. Когда Женя беседовал, его жесты были скупы и лаконичны. Во время беседы сидел на стуле нога на ногу, в одной руке сигарета, другая спокойно лежит на колене или в характерном жесте ребром ладони поглаживает висок, глаза смотрят на собеседника, голос спокойный и ровный»¹.

Особняком от всех других воспоминаний стоит ряд зарисовок Владимира Рынкевича. В них читатель имеет возможность как бы стать свидетелем заплывов пьяной флотилии середины 1970-х – начала 1980-х годов. Рынкевич ярко в картинках и с диалогами описывает пьянки Головина и его компании, их метания по Москве, «зависания» в пивных, пельменных, квартирах знакомых и совершенно незнакомых людей и даже в холодильных камерах продуктового магазина. В каком-то смысле это натуралистичные описания быта хорошо образованных алкоголиков, но в каком-то (именно так их и преподносит Рынкевич) они являются своего рода практикой по постижению иного мира, по слову стандартного восприятия и выходу за пределы повседневности.

Пожалуй, отдельным блоком в сборнике можно выделить тексты людей, знавших Головина в последний период его жизни, людей другого, более молодого поколения, почти не столкнувшихся с дионисийством «Южинского»², а встретившихся с человеком, для которого смерть была уже не отдаленной абстракцией, а неминуемой и скорой реальностью³. Удивительно, но большинство

¹ Там же. С. 194.

² Названием «Южинский» не стоит именовать только переулок, в котором стоял дом с квартирой Юрия Мамлеева – центр первых встреч группы людей, связанных с Головиным. Как удачно поясняет Гейдар Джемаль: «физически сам этот адрес, связанный с первой половиной жизни Юрия Мамлеева, перестал существовать в 1967-м, но виртуально он пережил деревянный домишко в Южинском переулке по крайней мере лет на 15» (Там же. С. 218).

³ Мы здесь имеем в виду статьи С. Герасимова, А. Петрова, Г. Бондаренко, П. Болотовой.

этих людей являются православными христианами. В принципе, весьма странный феномен состоит в том, что ближе к закату своей жизни Головин, «последний язычник» и «Дионис во плоти», был окружен православными, начиная от Елены Джемаль и заканчивая более молодыми друзьями и знакомыми, трепетно заботившимися о нем в его последние годы.

Эти очерки о последнем периоде жизни Головина лишены метафизического флёра, столь характерного для описаний участников «Южинского», в них ярко виден просто-Головин, может быть, более напоминающий мудреца-философа в преклонном возрасте (не зря Сергей Герасимов столь настойчиво проводит в своем тексте параллель Головин-Лосев). Представляется, что образцовым воспоминанием из этого блока является статья Полины Болотовой «Вечера на Ореховом». Из этого текста начисто убран автор, в нем живет только память о дорогом человеке, без рефлексии, без рисовки, без красок. Другие статьи блока в значительно большей степени авторизированы, но при этом примечательны.

Здесь остановимся лишь на пространных рассуждениях Сергея Герасимова (автора столь ценных видеозаписей Головина в Горках-10 и инициатора цикла «Бесед о поэзии», вышедшего на радио «Радонеж»), подробно описывающем свое знакомство и общение с Головиным. Лейтмотивом его статьи вполне может служить идея «почему же Головин не стал христианином?»¹, достигающая кульминации в ярком отрывке: «Писали в этот день, по-моему, сюжет о Брюсове, потом очень долго говорили, выпили немного (в этот раз он почему-то много рассказал о себе, о своей жизни). В какой-то момент, глядя в сторону, в пространство, смиренно, тихо и грустно он вдруг говорит: “Вот так и прошла жизнь в пьянках да гулянках, бестолково как-то прошла” – и затягивается сигаретой... Потом мы долго молчим, а мне его почему-то до одурения жалко, а за окном звенящие осенние сумерки ... никогда не забуду этого вечера»².

¹ Среди друзей Головина мысли такого рода встречаются нередко, например, см. выступление В. Карпца на вечери памяти Головина URL: <http://www.evrazia.tv/content/gorizonty-otkrytoy-germetiki-vecher-pamyati-ev-golovina>, дата обращения 5.12.2015.

² Где нет параллелей и нет полюсов. С. 327.

С аналитической точки зрения, самой серьёзной в сборнике является статья Гейдара Джемалю «Чёрный люстр». Открывает её следующая характеристика личности Евгения Всеволодовича: «Евгений Головин был, без всякого сомнения, центральной фигурой московского интеллектуального андеграунда на протяжении, возможно, тридцати лет (1960-е, 1970-е, 1980-е)»¹. В самой статье автор не столько вспоминает о своих довольно неоднозначных отношениях с Головиным, сколько раскрывает суть метода Адмирала и его значение для окружающих.

Согласно Джемалю Головин – «Сократ в черном издании», деятельность которого направлена на трансмутацию других людей. Сравнение с Сократом очень глубоко, ведь основной метод последнего – майевтика, повивальное искусство, – направлен именно на то, чтобы помочь другому человеку выразить и осознать идеи, уже существующие в нем. Иными словами, здесь не важна фигура Сократа как таковая (ведь, и повивальная бабка лишь помогает уже сформировавшемуся ребёнку родиться), а важна его роль для человека. Без него нельзя было бы стать тем, кем ты должен был стать. В этом контексте получается, что Головин нарочно устранял себя из центра человеческого внимания, занимаясь лишь уничтожением всего мешающего человеку родиться вновь.

Статья Джемалю иронична и в то же время ёмка. Весьма удачно он описывает ситуацию в советской культуре знания: «Оружием дерационализации всех логических ожиданий в Женином дискурсе была избыточная и экзотичная эрудиция. В этом заключалась его лукавая хитрость: он исходил из того, что на советского юношу эрудиция действует безотказно. В стране, где любая интересная книжка находилась в спецхране, где даже популярную и разрешённую литературу добывали с невероятными унижениями, выскребая последние деньги из карманов, где люди портили зрение, читая ночами десятую машинописную копию запретных авторов, обладать знаниями о Фулканелли и Парацельсе, цитировать на старонемецком Ангелуса Силезиуса и Бёмэ, пройти в оригинале Генона и его школу – это было все! Человек, который владел ключами эрудиции такого порядка, который просто-напросто носил весь книжный спецхран

¹ Там же. С. 211.

СССР в собственной голове, мог пинком свергать любых идиологов, разбивать вдребезги самые дорогие иллюзии и самые устойчивые стереотипы...»¹. Значит ли это, что весь феномен Головина можно свести к знанию, недоступной в СССР литературы и незаурядной памяти вкупе со способностью к языкам? Читая приведённые выше слова Джемалы есть искушение ответить на этот вопрос положительно. Но все же... все же стоит сейчас обратиться к именно тем написанным Головиным в советские годы статьям. Именно эти статьи могут быть ключом к его эрудиции и могут помочь нам понять, как складывалось его мировоззрение.

Прежде всего следует сказать несколько слов о самой книге и ее структуре. «Где сталкиваются миражи» разделена на две примерно равные части: «Очерки и эссе» и рецензии. Как следует из названий, в первой в хронологической последовательности собраны эссе и очерки, написанные Головиным для ряда советских журналов, во второй части помещены рецензии на иностранные (французские и немецкие) книги, написанные для журнала «Современная художественная литература за рубежом». Текст книги снабжен двумя предисловиями, открывающее принадлежит второй (не с юридической точки зрения) жене Головина Ирине Колташевой и повествует о времени создания текстов книги, условиях их написания и особенностях выживания интеллектуалов в недрах советской системы. Важной иллюстрацией в предисловии служит очерченная граница советского периода творчества Головина 89-ым годом, годом, в который он выбросил свой паспорт и уничтожил значительную часть собственных текстов. Второе предисловие принадлежит Полине Болотовой и описывает все сложности, связанные с поиском и систематизацией наследия 1960-1980-х годов. Завершает книгу «Приложение» с так и неизданным текстом Головина «В сторону созвездия Лиры», который снабжён положительным отзывом А.В. Михайлова, рекомендующим текст к публикации. Этот отзыв так и не повлиял на дальнейшую судьбу текста. Завершает книгу список всех публикаций Е. Головина 1960-1980-х годов.

¹ Там же. С. 218.

Обратимся для начала к концу книги, к отделу с рецензиями. Если кратко характеризовать рецензии Головина, то можно отметить, что он был в курсе всех крупных литературоведческих исследований в интересующей его сфере, выходявших за рубежом. По-видимому, читал очень много и быстро. Интересно сопоставить рецензии сборника с известными словами Адмирала, сказанными одному из друзей, что он никогда не рекомендовал к изданию в СССР хороших книг, чтобы «советская сволочь» их не читала. И действительно, в рецензиях можно выделить какую-то закономерность. Заметки о конкретной поэзии, проклятых поэтах, их окружении и им подобные тексты написаны с большой силой, иногда пространны и завершаются либо вопросом, либо глубокой мыслью. В то время как короткая рецензия на сборник стихов современного поэта Гейнца Калау «Поток вещей» завершается классическим штампом: «один из лучших сборников молодых поэтов, вышедших в ГДР за последние годы, и советскому читателю было бы интересно познакомиться с поэзией Гейнца Калау»¹. Сходная ситуация и с рецензиями на «Синие и красные сказки про кота верхолаза»², «Избранное 64-го. Новая лирика. Новые имена»³ и подобные работы. Над некоторыми книжками Головин явно с тонкой иронией потешается⁴. Иными словами, основываясь на этих текстах, действительно можно попытаться реконструировать схему симпатий и антипатий Головина, составить представления о прочитанной литературе и о методах ее анализа.

Сходную картину рисуют и статьи. Так, в большом цикле заметок о конкретной поэзии Головин предстает как высококлассный исследователь, препарирующий неинтересный лично для него⁵,

¹ Головин Е. Где сталкиваются миражи. С. 255.

² Там же. С. 256-257.

³ Там же. С. 257-259.

⁴ См., например, «Пьер Гарнье. Новая Поэзия», особенно едкую характеристику в заключении рецензии (Там же. С. 26).

⁵ О его отношении к поэзии хорошо свидетельствует вышедший сначала на радио «Радонеж» цикл «Беседы о поэзии». В них Головин недвусмысленно говорит о развитии поэзии вплоть до её абсолютных вершин: Маларме и Рембо, за некоторыми поэтами начала XX века (Готфрид Бенн, Гарсия Лорка, Георг Трагль, Поль Валери) он признает удачных продолжателей импульса Маларме и Рембо в ситуации «конца старого христианского мифа». Из цикла бесед и видеозаписей

но примечательный с точки зрения современности объект. Из текстов, представленных в сборнике, складывается исчерпывающая и блистающая богатством оттенков картина конкретной поэзии, отметим, не мировоззрения Головина, а именно конкретной поэзии. Иными словами, перед нами прекрасный образец научной работы, который дает нам возможность понять, насколько хорошо мог трудиться в классическом дискурсе Евгений Всеволодович.

Еще больше эта особенность раскрывается в цикле о шведской поэзии, которая, без сомнения, была лично для него интереснее. В ее описаниях при желании даже можно усмотреть отблески эзотерических представлений тех авторов, о которых столь много говорил Головин в последующие годы. Вершиной сборника, на наш взгляд, является первая статья о шведах, название которой и дало имя всему сборнику. Поэзия пяти ведущих шведских поэтов, прекрасно обрамленная повествованиями об их жизни, снабженная отличным аналитическим разбором текстов и расцвеченная великолепным стилем, может дать немалую пищу для исследователя. При некоторых аналитических усилиях из текстов, посвящённых шведам, легко проступают очертания и эзотерического мировоззрения. Порой вчитавшись в них, можно предположить, что это даже не Генон, а шведские поэты повлияли на мировоззрение Головина, определив и задав его. Уж слишком хорошо он о них пишет, уж слишком похожи их идеи на стиль и мировоззрение самого Головина, в отличие от сухой отстранённости французского традиционалиста¹. Вот,

Сергея Герасимова видно, что ко всем тенденциям современной поэзии второй половины XX века Головин относится как к деградации, плавному остыванию разожжённого христианством очага. Этот подход интересен прежде всего тем, что он свидетельствует о четкой ценностной шкале, выработанной Головиным, лишь согласно которой возможно какое-либо ранжирование эстетических реалий.

¹ Такое предположение будет хотя и интересным, но фактически неоправданным. Статья вышла в 1966 году, круг чтения Головина к этому времени уже был вполне эзотеричен. Сам он говорил, что читал в 1950-е – начале 1960-х годов французские и немецкие книги, доступные в «Ленинке» не по общему каталогу, а через каталог для сотрудников. Там в 1963 году он впервые нашёл Рене Генона, а именно «Царство количества и знаменья времени», книгу произведшую на него неизгладимое впечатление. Он красочно описывал эффект, произведённый Геноном: «Красными пятнами пошёл, когда прочёл» (из записи беседы С. Герасимова). В Геноне Головина поразило абсолютное и бескомпромиссное неприятие современности. Гейдар Джемаль, вспоминая свою первую встречу с Головиным в 1967 году,

например, цитата из «Аниары» Харри Мартинсона, фантастической поэмы о путешествии космического корабля с остывшей и покинутой людьми земли к спасительному созвездию Лиры, приводимая и переведенная Головиным:

Десятый год летела «Аниара»
К созвездию Лиры
И медленно мы стали постигать
Что наше представление о Вселенной

отмечает, что Головин подарил ему книгу Генона из своей личной библиотеки. Также очевидно, что к этому времени Головин был хорошо знаком с работами Эволы и оценивал большую их часть невысоко. По словам Джемалея к концу 1970-х в Москве через библиотеки и личные контакты был уже доступен весь Генон. Однако к концу 1960-х сам Головин уже основательно разочаровался во французском традиционалисте, характеризуя его стиль, как «дудение в одну и ту же трубу», а значение – образом «звезды, всегда озаряющей кому-то путь», для Головина эта звезда погасла в те годы, тогда как для Джемалея лишь зажглась (подробнее об этом см. интервью с Джемалем С. Герасимова).

Еще одним важным свидетельством о круге чтения Головина являются две статьи в известном пятитомнике «Философская энциклопедия», выходящем в период между 1960-1970 годами. Перу Головина принадлежат заметки «Оккультизм» в четвертом (Философская энциклопедия. Том IV. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 136-137) и «Теософия» в пятом томе издания (Философская энциклопедия. Том V. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 223). Интересно, что эти рубрики написаны в соавторстве Е. Головиным и М. Шахновичем, вообще феномен сотрудничества двух столь разных людей в рамках написания статей, впервые касавшихся эзотерических реалий в послевоенную эпоху, нуждается в глубоком анализе. Как бы там ни было, статьи строятся следующим образом: первая часть написана Головиным и рассматривает общее определение понятия, его историю и смысловое наполнение, вторая часть, принадлежащая перу Шахновича, анализирует современное состояние описываемых феноменов, завершая их критикой с атеистических и материалистических позиций. Из текстов, принадлежащих Головину, и из литературы по теме, явно относящейся к его разделам, можно вынести следующее заключение: к середине 1960-х годов Головин был хорошо знаком с классическими трудами, являющимися «золотым фондом» западного эзотеризма (работами Агриппы Неттесгеймского, Анастасия Кирхера, Джордано Бруно, Парацельса) и обзорными работами по алхимии и каббале. Интересно, что представления о теософии Блаватской почерпнуты Головиным преимущественно из «Теософизма: Истории одной псевдорелигии» Генона, что легко определить, соотнеся соответствующий раздел статьи и текст французского традиционалиста.

Имеет связь с реальной картиной
Не более чем крик младенца
Или урчание обезьяны...
Мы стали постигать
Что бездонные глубины космоса
Гораздо глубже чем предполагалось...
Теперь мы полагаем что пространство
Вокруг «Аниары» –
Непостижимый вечный дух
И мы невольно затерялись
В черном океане Духа...
Сквозь смерть и сквозь Загадку
Бесцельно рвется «Аниара»
Сквозь «ничто» что не может
Постигнуть мозг...
О если б мы могли вернуться
И позабыть, что наш корабль –
Искорка в неведомых глазах...¹

¹ Головин Е. Где сталкиваются миражи. С. 61-62. Пожалуй, здесь нужно сказать несколько слов о методе перевода стихов Головиным. Как видно из приведенного отрывка, текст скорее похож на подстрочник, чем на завершённое и привычное русскому уху стихотворение. Основной особенностью переводческого метода Головина как раз и являлся намеренный отход от пересоздания иноязычного стиха на русском. Для него поэзия была совершенно непереводаема, и лучший способ хоть немного понять ее - дать адекватный подстрочник, не пытаясь «облагородить» текст, тем самым убив или крайне трансформировав его изначальный вид. Пожалуй, ярким исключением из такого подхода будут «Гласные» Рембо, над переводом которых Головин трудился всю жизнь, подбирая все новые варианты (см.: Головин Е. Парагон. – М., 2013. – С. 144-146). Некоторые, конечно, могут усомниться в осознанности такого подхода и счесть Головина лишь плохим переводчиком, не способным переводить художественно и поэтому прибегающим к дословному, почти подстрочному, переводу. Дабы развеять сомнения скептиков приведем один отрывок из статьи Головина о Готфриде Бенне, в заключении которой он переводит строки Бенна «обычным способом, дабы передать ритмическое негодование автора» (Головин Е. Там. С. 171):

Потерянное «я» - добыча стратосферы,
ягненок, жертва излучений гамма.
Частицы...поле...бесконечности химеры
на серых парашютах Нотр-Дама.
Проходят дни без ночи и рассвета,

В этих строках очень много столь характерного для мировоззрения самого Головина: и ненависть к современному миру (столь любимая им у Генона), и тяга к другому, недостижимому, невыразимому, и полная инаковость этого другого, и абсолютная обреченность и бессмысленность попыток прорыва туда (зачастую маскируемая им едкой иронией). Для иллюстрации приведем текст самого Головина. Не смотря на очевидную разницу оба текста, как представляется, во многом говорят об одном и том же:

В наш военный порт как-то ночью
С последним ударом часов
Бриг вошел. Оборванные в клочья
Обвисали остатки парусов.
С борта шлюпку спустили и снова,
Разбудив подозренья патруля,

проходит год – ни снега, ни цветов,
и бесконечность наблюдает с парапета,
и ты бежать готов.

Куда. Где обозначены границы
твоих амбиций, выгод и потерь.
Забава бестий бесконечно длится,
чернеет вечности решетчатая дверь.

Взгляд бестий: звезды как распоротое чрево,
смерть в джунглях – истина и творческая страсть,
народы, битвы, мировое древо –
все рушится в распахнутую пасть.

Пространство, время, идеалы
столь дорогие нам –
функциональность бесконечно малых,
и мифы есть обман.

Куда. Зачем. Ни ночи, ни экстаза.

Где эвоэ, где реквием.

Отделаться красивой фразой
ты можешь, но зачем.

Когда-то думали мыслители о боге,
И вездесущий центр определял наклон.

Пастух с ягненком на дороге
единый созерцали сон.

Все вытекали из единой раны
и преломляли хлеб во славу бытия,
и час медлительный и плавный
когда-то окружал потерянное «я».

– «Эй, сеньор» – окликнул часового
 Человек сидевший у руля.
 – «Эй, сеньор, а где же Дон Альварес?
 Черный Педро шлет ему привет...»
 Но внезапно, злобно оскалясь,
 Ощетинились копы ракет.
 – «Эй, на бриге, не медля ни минуты,
 Убирайтесь в свой истрепанный роман!
 Все равно не даст вам приюта
 Никогда ни одна из наших стран.
 Триста лет здесь уж нет вашей гавани.
 Как могли вы забыть о веках?»
 – «Черт возьми! Слишком долго мы в плаваньи,
 Чтобы помнить о подобных пустяках»
 Эй, на бриге! Не медля ни минуты,
 Уплывайте в свой истрепанный роман.
 Все равно не даст вам приюта
 Никогда не одна из наших стран.
 Якоря закрипели туго,
 И судно растаяло во мгле,
 Чтоб найти хоть какой-нибудь угол
 На этой круглой земле...¹

Здесь используется тот же, что и в «Аниаре», образ вечных странников, но уже не в космических, а в океанских безднах, равно как и в Аниаре они стали существовать вне пространства и вне времени, причем сама идея рационального познания этих реалий вызывает у них, как и у ученых с «Аниары», лишь презрительную усмешку. Таких параллелей и скрытых отсылок в статьях о шведской поэзии, на наш взгляд, очень и очень много. Даже сам образ созвездия Лиры², как свидетельствуют о том и «Миражи», и сборник

¹ Головин Е. Парагон. С. 159.

² С другой стороны, статья «В сторону созвездия Лиры», так и не опубликованная в советской академической печати, несет на себе очевидный отпечаток мировоззрения Генона, выраженного в «Царстве количества и знамениях времени». По задумке она препарирует поглощённость современного человечества тягой к количеству (чисто геноновская идея), вот лишь одна показательная иллюстрация из начала текста: «Количество молекул в кубе воздуха составляет 2×10^{19} , количе-

воспоминаний¹, очень полюбился Евгению Всеволодовичу. Узнав об этом все же зададимся вопросом: что это знание об отсылках, параллелях и влияниях дает нам?

Вернемся к тексту Гейдара Джемалы из «Чёрного люстра»: «И вот он пишет в “Воплях” (Вопросы литературы) статью, в которой разбирает творчество пяти молодых шведских поэтов. Он цитирует этих поэтов в оригинале, дает перевод, комментирует самые неожиданные и глубокие подразумевания, связанные с неисследимыми корнями скандинавских традиций... Фокус в том, что из этих пяти молодых мэтров трое были реальными, а двоих Женя создал из небытия. Эти два шведа никогда не существовали в реальности, и приведенные Головиным шведские стихи были сочинены им самим. Советские литературоведы напечатали статью с почтительными реверансами, а подлог был обнаружен шведскими славистами... несколько позднее»². Эти слова не относятся к рассматриваемой статье, поскольку все пять поэтов из «Миражей» – реально существующие классики шведской поэзии. Но идею Джемалы, иллюстрацией которой является приведенный пассаж, можно пояснить следующим образом. Никакие рациональные реконструкции, основанные на конкретном книжном знании, не способны объяснить роль и мировоззрения Головина, поскольку

ство молекул в нашей галактике – 2×10^{79} , расстояние от земли до солнца равно 5×10^{16} микронов; диаметр ядра атома – 10^{-12} , ближайшая звезда – 40×10^{21} , ближайшая галактика – 10×10^{27} микронов. Процесс исчисления сопровождается разнообразными эмоциями: считающий-властитель, владеющий печатью чисел; он пронзает вещь, дабы «познать» её, шпагой единицы, раздавливает печаткой нуля» (Головин Е. Где сталкиваются миражи. С. 348).

¹ Рассматриваемая в приведенной выше сноске статья «В сторону созвездия Лиры», в которую Головин вложил немало сил, хорошее подтверждение этому. Приведем также одну иллюстрацию из «Где нет параллелей и нет полюсов», примечательную еще и тем, что в ней сконцентрировано классическое отношение к Головину его академических и «официальных» коллег. Вот, что пишет Елена Головина: «Мне впоследствии было объяснено, что мой отец очень талантливый, но... Надо было слышать интонацию этого “но” и видеть многозначительно поднятые вверх глаза. Я понимала “но он на Арктуре или на Веге”. Ведь он сам мне говорил, что его любимое созвездие – Лира» (Где нет параллелей и нет полюсов. С. 12).

² Где нет параллелей и нет полюсов. С. 219.

само знание он вменял ни во что¹. Знание было лишь способом уничтожения иллюзий об этом мире, но не являлось самоцелью. Из воспоминаний сборника, и из других интервью и воспоминаний становится очевидным, что Головина сложно, если не невозможно, считать классическим приверженцем западного эзотеризма, верящим в Традицию, тайные общества, цепи инициатов и в фиксацию некоего эзотерического знания в форме, практике, опыте или теории. Складывается порой такое ощущение, что сам эзотеризм для него был неким средством для чего-то иного.

Итак, мы пришли к тому, что творчество Головина не поддается систематическому осмыслению и из него нельзя вычленить единой теории. Это наше заключение достаточно легко дискредитируется самой, как представляется, значительной статьёй в сборнике воспоминаний о нем – статьёй Александра Дугина «Философия воды Евгения Головина». Выше мы уже говорили, что Дугина можно заподозрить во встраивании Головина в его «дугинскую» картину мира, и если мы будем рассматривать все тексты, написанные ведущим геополитиком о своём учителе, то так и будет. Но «Философия воды» стоит особняком от всего написанного Дугиным раньше.

Во-первых, ее текст представлен в стиле обычного научного исследования с введением, обоснованием темы, широким ссылочным аппаратом, подробной цитацией и глубокой аналитикой.

Во-вторых, он лишён столь любимого Дугиным легкого стиля, поэтизирующего и упрощающего сложные моменты. Порой даже кажется, что этот текст написан не Дугиным. Фактически

¹ Интересную историю, связанную как раз с отношением Головина к знанию, приводит Александр Дугин в послесловии к «Там», продублированному в книге воспоминаний: «Головин неведомыми путями достал редчайший том герметической поэзии на старофранцузском. Трудно представить себе нечто более ценное для него самого. Среди его друзей, которым том был показан, он заметил вождедеющие взгляды. Многим казалось, что секрет Головина в том, что он читал эти редкие, замечательные книги, а все остальные нет. Кто-то стал выпрашивать почитать и посмотреть. Головин прекрасно понял мотивацию, открыл форточку и выбросил том на улицу, в ночной заснеженный московский переулок. Все (кроме него) бросились на улицу (ценность этой книги для этого круга была абсолютной), но ее не было. Совершенно не понятно, кому в Москве 1970-х глубокой ночью мог понадобиться томик герметической поэзии на старофранцузском языке. Книга исчезла» (Головин Е. Там. С. 290).

в «Философии воды» с предельной убедительностью показывается, по каким принципам строилось мировоззрение Головина с помощью метафоры двух стихий земли и воды. Земля – доступный нам, обычным людям, фиксированный рациональный космос, вода – первая (поскольку за ней есть еще воздух и огонь) сфера размыкания пределов человеческого бытия, пространство, где все отрывается от своих мест и размывается в некоем общем фоне, пространство свободы, лишенное привычных законов и схем, мир воображения, мир бытия духовных существ. Мир воды представляет собой «иной тип разума, мышление воды. И если сделать решительный шаг, то, умерев для земли, мы родимся в ином пространстве – там будет *другой смысл у ночи, другая форма ума и безумия*»¹.

Это пространство, к которому больше всего стремился Головин, ярко показывается Дугиным и в метафорическом языке Головина, и в конкретных идеях, и в стихах, и в песнях, и даже в его алкогольном делирии. Иными словами, статья Дугина представляет мировоззрение Головина как систему, достаточно сильно опирающуюся на неоплатонизм, но все же полностью самостоятельную, систему, включающую в себя не только теоретическое, но и практическое измерения жизни, философию так, как ее понимали древние греки. Дугин своей статьей демонстрирует, что изучение наследия Головина вполне возможно, но для представления всей сложности этого наследия необходимы немалые усилия в понимании и погружении в его мир.

Завершая разбор, отметим, что две появившиеся в 2014 году книги, связанные с именем Евгения Головина, позволяют по-новому взглянуть на его жизнь, творчество и место в интеллектуальной истории, а также дают пищу для размышлений о феномене западного эзотеризма в целом и возможность посмотреть на некоторые кажущиеся очевидными моменты под новым углом. Остается только сожалеть, что обе эти работы вышли сравнительно небольшими тиражами: «Миражи...» – 1000 экземпляров; «Где нет параллелей и нет полюсов» – 800.

Какой вывод можно сделать из приведенного рассмотрения двух книг? В своих воспоминаниях, не вошедших в сборник «Где нет параллелей...», Аркадий Ровнер так отзывается о личности Евгения

¹ Где нет параллелей и нет полюсов. С. 109. Курсив в оригинале.

Головина: «Каждый может вычитать из Головина – или вчитать в него – почти все, что ему захочется...»¹. Гейдар Джемаль в видео-интервью Сергею Герасимову говорит о том, что Головин постоянно создавал вокруг себя подобия зеркал, отражающих те или иные грани его личности, таким образом каждый из его знакомых и друзей знал своего «Головина», и никто не знал настоящего.

Для исследователя такая ситуация представляется чрезвычайно сложной, в ней любая оценка Головина и попытка цельной реконструкции его мировоззрения кажется заведомо обреченной. Здесь уместно будет вспомнить одно из стихотворений Евгения Всеволодовича, названия оно не имеет и рефреном повторяет одну и ту же мысль, выраженную в разных формах: «Наши глаза любят нас дурачить...слух обманывает нас... пальцы обманывают нас... сознание обманывает нас...»². Так и в случае с исследованием его творчества, каждый волен создавать свою интерпретативную схему, основываясь хоть и не на обширном, но богатом по содержанию материалу его наследия, при этом очевидно, что ни одна из этих схем не сможет до конца и полностью удачно описать сложность феномена Головина, во многом именно потому, что сам Евгений Всеволодович не хотел, чтобы его знали, не выставлял себя напоказ, что в равной степени действовало как в его жизни, так и продолжает действовать после смерти. И это совсем неплохо, просто теперь каждый, увлекшийся им, может без опаски идти к своему миру Евгения Головина, отчётливо осознавая, что этот мир может исчезнуть в любой момент.

¹ Ровнер А. Вспоминая себя. С. 111.

² Головин Е. Парагон. С. 55.

ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

ГЛЕНН АЛЕКСАНДР МЭЙГИ

